КРОКОДИЛ

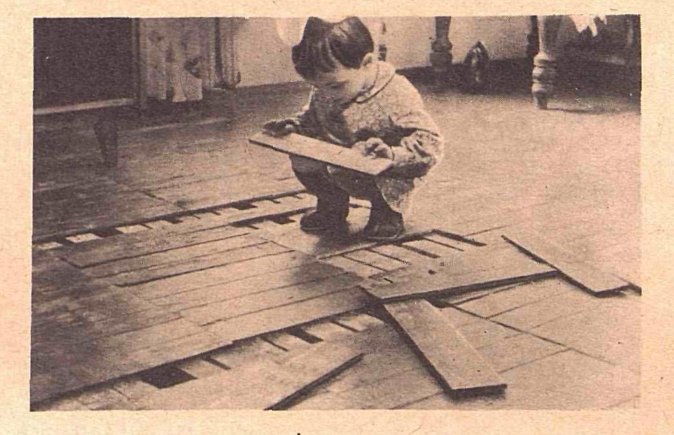
ВЕСНА ИДЕТ, ВЕСНЕ ДОРОГУ...

Рисунок А. КРЫЛОВА

М. ВЛАДИМОВ

ДВЕ НЕДЕЛИ КАНИТЕЛИ

Я десять дней подряд не брит.
Кто ни увидит, тот острит:
Я битник — для одних друзей,
А для других — Хемингуэй,
А третьи рассуждают проще:
«Не сдал зачет!», «Повздорил с тещей!»
И всем я должен разъяснить,
Что бритву «Харьков» сдал чинить!
Мне в тот же день прийти не лень,
Но мне за бритвою велели
Явиться через две недели,
А бриться надо каждый день!
Я по причине таковой
Стал жертвой службы бытовой.
Не могут здесь без канители:
Клиента время не щадя,
Вбивают гвоздь за две недели
(В неделю, значит, полгвоздя!)
В очках вдруг стекла «полетели»...
«Зайдите через две недели!»
На пиджаке — смола от ели...
«Зайдите через две недели!»
Звонит будильник еле-еле...
«Зайдите через две недели!»
Век ценит миги и моменты —
Тут на недели счет ведут.
Антикосмические темпы
Укоренились прочно тут.
И я молю: служите Быту,
О Бытовые Мастера!
И если я электробритву,
Допустим, к вам принес с утра,
То обрастать я не намерен
(Стать битником — не цель моя!),
Я утром должен быть уверен,
Что к вечеру побреюсь я!

Детям — новые игрушки!

Не нужно тратиться обитателям дома № 34 по улице Кирова в городе Балхаше на столярные наборы для своих отпрысков. Посмотрите, с каким увлечением этот начинающий конструктор играет в паркетик. Думается, Министерство строительства Казахской ССР должно засучив рукава заняться популяризацией ценного начинания балхашских строителей. Следует серьезно поразмыслить, к примеру, как приспособить к запросам крошек-шалунишек оконные рамы, двери, газовые плиты и тому подобные забавные детали в новых квартирах.

А. В.

Черт реабилитирован

Помните злую шутку гоголевского черта, который в ночь под рождество месяц украл? Как известно, это мелкое хулиганство нечистому с рук сошло. Наверное, поэтому он снова дал о себе знать. На сей раз в одну из ночей, когда похитил в Иваново все городские электрические часы.

Очень огорчились ивановцы, а особенно влюбленные, которые под такими часами назначали свидания.

В связи с этим решил я поделиться своим негодованием с заведующим горкомхозом тов. Смирновым.

— Черт здесь ни при чем, часы сняли мы,— чистосердечно признался Павел Дмитриевич.— Возни, знаете, с ними не оберешься. То стоят, то вместо московского показывают лондонское или парижское время. А жители, известное дело, пишут жалобы. А нам известно что — взбучка.

— А может, не было за часами надлежащего ухода? — поинтересовался я.

— Возможно. Однако у нас нет ни хороших специалистов по эксплуатации таких часов, ни подходящей ремонтной мастерской.

— Ну, а принимает ли горкомхоз какие-либо меры? — задал я последний вопрос.

— Как же, как же!— оживился тов. Смирнов.— Сейчас вот хлопочем, чтобы часовое хозяйство передали в ведение Управления бытового обслуживания...

Таким образом, ясно, что черт полностью реабилитирован. Это знают все. Но появятся ли снова на улицах города электрические часы? Будет ли у них настоящий хозяин? Этого пока никто не знает.

И. МАРТЬЯНОВ

г. Иваново.

Какой номер набираете?

Через два года после того, как в первую секцию въехали первые жильцы... Нет не так. Через шесть месяцев после того, как в последнюю секцию въехали последние жильцы, наконец-то начали каблировать дом.

И вот уже бегут жильцы на телефонную станцию, чтоб впервые внести абонементную плату.

И вот уже поставили блокиратор, и приходит другой монтер, проверяющий работу первых. Неправильно, говорит, сделано заземление: «Земли нет...»

А потом уж никто не приходит, только звонят с телефонной станции и спрашивают: «Работает телефон? Проверка».

Телефон работает. Слишком хорошо работает. Пусть те новоселы, чьи дома еще не каблируют, не спешат завидовать. Как говорил перед уходом на пенсию один древнеримский император — сначала выслушайте, потом завидуйте.

Только сядешь за стол, задумаешь повесть или роман, только начнешь отрываться от действительности, телефон норовит связать тебя с жизнью.

Голос в трубке требует кого-нибудь из товароведов.

— Надо разобраться с ценой на капусту, и вы мне голову не морочьте. Я номер набирал правильно!

Приблудился другой звонок. Шел, очевидно, в обратном направлении.

— Говорят из торготдела. Что у вас там получилось с зеленым горошком?

Рабочий день подходит к концу. Более молодые голоса начинают спрашивать: с одной стороны — Радика, Павлика и Володю, с другой стороны — Наташу, Лиду и Валю.

До чего же, *оказывается*, поразному может звучать первая фраза телефонного разговора!

— Кого-нибудь из Тропиных!

— А Ивана Иваныча можно?

— Бронислава Георгиевна дома?

Эти люди *не виноваты*, говорю я себе. Не надо так раздраженно с ними разговаривать. Они правильно набирали Дмитрия один и Елену два, Владимира четыре и Женю девять.

Телефонный аппарат новый, впечатлительный, энергичный. Он *откликается на все мимо идущие* слабые токи. Потом успокоится, остепенится. Все мы были молодыми...

— Позовите кого-нибудь из Малыгиных. Они напротив телефона живут.

— Посмотрите, Аня Непрюшина не пришла?.. А что это за организация, куда я попала?

— Чека! — отвечаю я самым грозным голосом.— Чека! По буквам: Чечевица, Константин. Че-Ка. Частная квартира.

Телефон шуток не понимает. Звонит как ни в чем не бывало. *Откуда говорят?* С телефонной станции!

— Извините, ошибка,— говорит девушка со станции,— ошибочное соединение. Но ведь телефон у вас работает?

Еще как! Не будь у меня телефона, разве дозвонились бы из редакции, разве заказали бы этот телефонный фельетон?

Правда, не ко мне звонили. К эстрадной певице. Хотели пригласить на творческую встречу.

...Сел за стол, решил ничем не отвлекаться, пока не выполню задание.

Ничего не выйдет? Звонки помешают? Нету их, звонков-то. Испорчен телефон. Добаловался. Часа полтора в нем шипело, как в стакане газированной воды, а теперь полная тишина.

«Тишина! Ты — лучшее из всего, что слышал!» — сказал *поэт, у которого, стало быть*, тоже был домашний телефон.

У меня на всякий случай еще остались старые запасы двухкопеечных монет. Но к автомату не побегу, о повреждении заявлять не буду, пока *не закончу телефон о фельетоне*. Извините, ошибка. Фельетон о телефоне.

На телефонной станции свое дело знают. Сами исправили повреждение на линии.

Слышите? Опять начинается...

— Будет ли у вас сегодня живая рыба?

— Думаю, что не будет. Она мне еще не звонила.

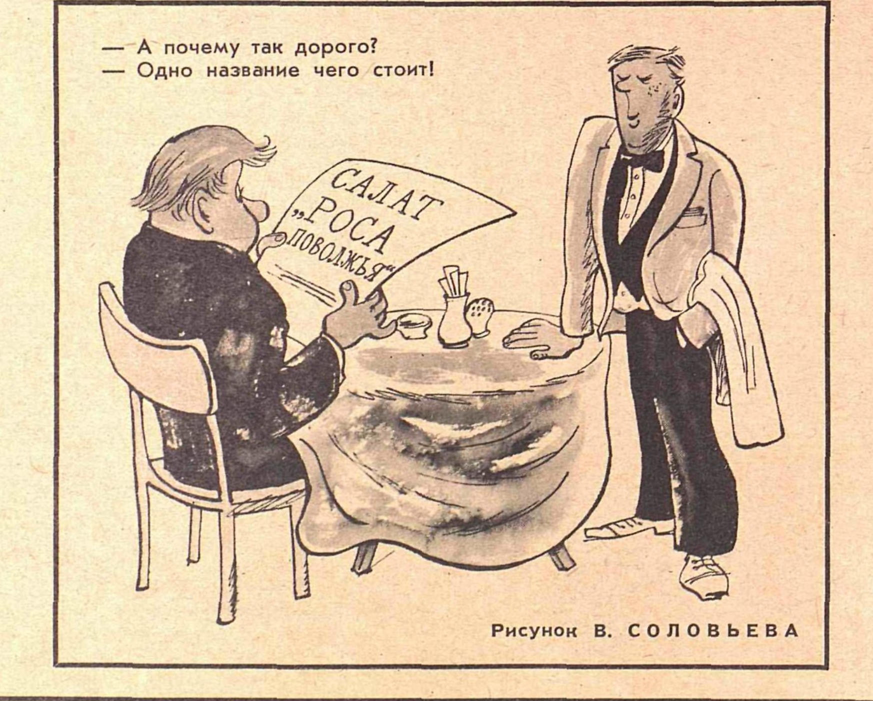
На чем я остановился? На фельетонной станции свое дело знают.

Извините, ошибка. Неправильное соединение слов.

А вы *какой номер* набираете? Одиннадцатый?

Вот так и набирайте.

Александр ЛАЦИС

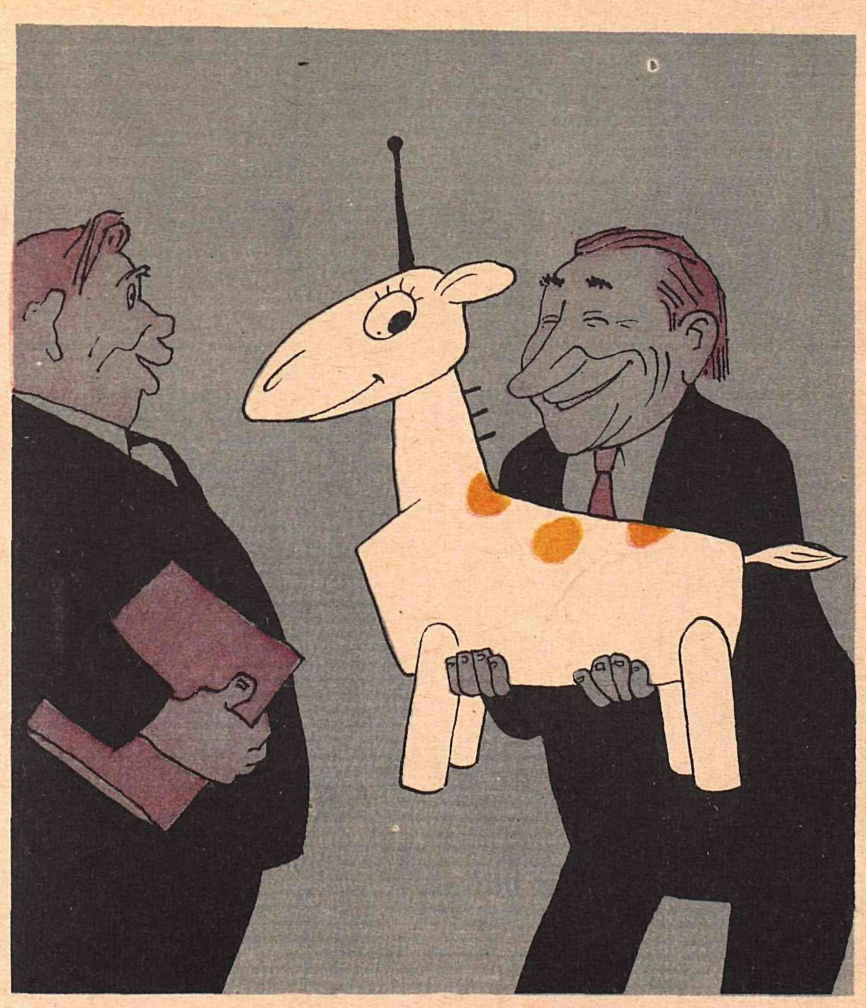

— А почему так дорого?
— Одно название чего стоит!

Рисунок В. СОЛОВЬЕВА

— Не увлекайтесь! Надо экономить материал.

— Вот теперь — другое дело!

Рисунок Е. ГУРОВА

КУТИЛЫ

За столиком одного из ресторанов встретились два человека. Некоторое время они разглядывали пышную Венеру на потолке, затем познакомились. Один оказался работником Миргородской передвижной механизированной колонны № 2, другой нефтяником-химиком из Омской области. Из-за мраморной балюстрады выпорхнул официант.

— Однако,— с вожделением сказал миргородец, глядя в меню.— Осетринка заливная — ам-ам...

— Балычок получен,— подхватил официант. — Ат-личчн... Также рекомендую огурчики све...

— «Све», «све»...— передразнил миргородец — А тити-мити?— Он потер большой палец об указательный.— Они, эти самые «све», зимой ух-ух-ух!..

— Солянку возьмите,— упавшим голосом предложил официант.— Всего семьдесят копеек порция.

— Семьдесят копеек! — закричал гость из Миргорода. — А жена, подруга жизни? Она за эти семьдесят копеек из меня самого солянку сделает.

— В таком случае,— официант сделал ударение на букве «а» и выпрямился,— съешьте зеленый горошек. С маслом.

— И съем! — завизжал миргородец. — Съем. Запиши порцию... А ты что на меня сверху вниз смотришь? Ага, думаешь, денег нет... Да я, если хочешь знать, одних штрафов уплачиваю в день шестнадцать рублей, что на шестнадцатое января сего года составило тысячу семьсот двадцать восемь рубликов!

— Филе в мадере попробуйте,— быстро согнулся обнадежившийся официант. — Ат-личчн... Судачок, соус польский...

— Кукурузные *хлопья принеси.* А килек жареных нет?

— Нету, — раздувая ноздри, ответил официант. — Нету килек жареных.

Человек из Омска с интересом посматривал на миргородца сквозь сильные очки.

— Позвольте узнать, — спросил он,— за что вы платите такую уйму штрафов?

— Скажу, браток,— ответил миргородец. — Скажу. Нам на станцию Лубны привезли четыре вагона железобетонных изделий и сложили в станционном дворе. А мы не вывозим, нам штраф платить проще, деньжонки есть...

— Маслица возьмете?— перебил официант.

— Масла?— очнулся миргородец.— Не надо. А вот хлебушка дай, черненького. Один кусок.

Официант скрипнул зубами и, ломая карандаш, записал.

— А мне,— начал нефтяник-химик,— мне будьте добры...

— Деволяйчик имеется! — надрывно выкрикнул официант. — Также шницель министерский, купаты...

— Деволяйчик,— с тихим трагизмом сказал омский человек. — А макароны с сыром есть?

— Не держим-с,— сдавленным голосом отвечал официант,— это, пожалуйста, в диетической столовой «Радость», если средства́ не позволяют...

— Нонсенс, абсурд! — Омич сверкнул очками. — Да знаете ли вы, что наш Омский завод синтетического каучука ежесуточно пускает в воздух двести рублей. Пафф! Вместе с кислородом... А завод «Автоген» — столько же с азотом. Пуфф!

— Это как же? — уважительно спросил миргородец.

— А следующим образом. Они пишут, просят баллоны, чтобы можно было продавать кислород и азот на сторону, да нам все недосуг решить. А деньги летят. И Министерство нефтеперерабатывающей и нефтехимической промышленности тоже в ус не дует. А деньги летят. Да и почему бы им не лететь, коль их много? Мы, нефтяники-химики, народ богатый... Трать — не хочу...

— Пить что будем?—спросил официант. — Водочка есть, «Российская»...

— Водочка, водочка... Ты дай нам чего-нибудь такого, обжигающего!

— Горилки с перцем? — оживился официант.

— Нарзан,— щелкнул пальцами миргородец. — Или киселя клюквенного.

— Нету киселя,— загробно солгал официант.— Кончился.

— Ну и чудесно,— кротко сказал омич. — Принесите чай.

Задевая за колонны, взопревший официант направился к кассе.

— Эй! — крикнул вдогонку миргородец.— Без сахара! Слышишь?..

Держась за сердце, официант выбил чеки и присел покурить.

— Плюшкины! — замычал официант. По его лицу прошла судорога.— Крохоборы!..

— Неправда,— заметил старший официант, наблюдавший всю сцену.— Это люди могущественные, распорядители кредитов. Только здесь они тратят свои деньги, личные. Помнится, гостил у нас один такой. В больших государственных капиталах состоял. Этот, бывало, всегда одну овсяную кашу спрашивал. Для здоровья, для баланса холестерина. Однако признавался: «Бифштексика,— говорил,— Федор, хочется. С кровью. Так бы и разорвал. Но не могу: бюджет семейного хозяйства не позволяет». Да... А какой был человек!.. Орел! Туча! Он в Кустанайской области, в труднодоступнейших районах возводил заводы стройиндустрии. Камышито-бетонные плиты хотели они делать. Строили, строили, а потом подсчитали, во сколько перевоз этих плит по чистому бездорожью обойдется...

— Ну и что? — спросил молодой официант.

— Бросили. Как есть все бросили в степи. Считай, миллионы! Однако, смотри...

Старший официант насторожился. В зал входил тучный мужчина с тощим желтым портфелем.

— Видишь,— шепнул старший официант, — вон того, с голодным выражением. Большой человек. Распорядитель кредитов из Башкирии. У этого уже десятки миллионов рублей сгорели в виде газовых факелов...

И он поспешил к новому клиенту, на ходу крикнув кассирше:

— Полина, рагу овощное пойдет!.. Полпорции!

Вл. МИТИН

Земля и небо

Телецкое озеро — это далековато от Москвы. Впрочем, месяца за полтора добраться можно. На поездах — через Урал и Западную Сибирь, на лошадях — по алтайским степям до гор и хоть пешком — по горам. Это если лет сорок—пятьдесят назад.

Телецкое озеро — это достаточно далеко от Москвы. Пожалуй, недели две ухлопаешь, пока доедешь на поездах, машинах и лошадьми. Это если лет тридцать назад.

Телецкое озеро — это страшная далища. Целых двенадцать часов лететь самолетами от Москвы до поселка Турачак! Это сейчас. Да еще можно застрять в пути из-за плохой погоды.

...Впрочем, на погоду пока грех жаловаться. Возле чайной в Турачаке стоит щит с прогнозом, и к нему, судя по давнишним следам, сто лет уж никто не наведывается — такая устойчивая благодать воцарилась в здешней атмосфере.

Самолеты на лыжах шлепаются возле поселка один за другим. «Антоны» («АН-2») выпускают из своих некрасивых животов один десяток пассажиров, забирают в обмен другой и тут же, слегка проехавшись по снегу, улетают опять.

Откуда-то, кажется, с прииска Веселая Сейка, на трехместном вертолете «МИ-1» прибыл кто-то злой в тулупе и, продолжая злиться вслух, уселся в поджидающий его «газик».

А моего самолета еще нет. Лететь мне в Москву, а это не прямо, а с пересадками — сначала в Барнауле, потом в Новосибирске. Но на прямой рейс Турачак — Барнаул билеты уже проданы, и я лечу в Барнаул через Горно-Алтайск (здесь его называют просто «Горный»).

Пассажиры убивают время в просторной, чистой избе — аэровокзале: слоняются, выискивают попутчиков, пьют чай в буфете, пьют не чай в буфете и время от времени строят догадки: «Это наш гудит? Нет, это не наш гудит».

...В Горном погода еще распрекраснее, чем в Турачаке, но зато печальное для меня известие: только что «закрылся» Барнаул. Буран в степи такой, что и неизвестно, «откроется» ли Барнаул завтра, но зато завтра наверняка откроется в Горном совещание, поэтому о гостинице лучше не думать.

Наутро открылось совещание и не «открылся» Барнаул. Началось ожидательное сидение в аэроизбушке и разговоры на тему: «А вот к лету построят новый аэродром и новый аэровокзал, и прямо на Москву пойдут самолеты, и даже, говорят, в новом аэропорту столовая появится».

О столовой разговор шел с некоторым раздражением. Был тут буфет, а в буфете консервы были, портвейн был, конфеты... И ни хлеба, ни какой-нибудь жидкости понейтральнее.

Хлеб был у трех моих попутчиков до Барнаула. Кроме хлеба, они имели на троих брус голландского сыра в тряпице и кус сливочного масла в кальке. Все трое работали на местном маслосырозаводе и летели в Барнаул на семинар по экономике.

А у меня лежало в сумке жареное мясо, которое я и вытащил.

— Садись к нам,— сказал тогда младший из троих.

— Присаживайтесь! — поддержал специалист постарше — Иван Архипович.

— У нас просто,— сказал директор завода Леонид Степанович.

— А вот в Вологде,— начал я для завязывания разговора,— ел я такое масло, что и без хлеба с удовольствием полкило осилишь!

— А вы наше продегустируйте,— сказал Иван Архипович.

— Самое свежее,— пояснил Леонид Степанович.— Вчерашнее.

— Только чур без хлеба! — предупредил младший.— Чтобы уж без посторонних привкусов.

— Вкусное,— сказал я, отведав.

— Ну вот,— успокоился Иван Архипович.— А теперь вы попробуйте размазать его языком по нёбу и сразу сможете оценить консистентность.

Я испугался. Масло и впрямь было хорошее, но ведь без хлеба же! По правде говоря, я и вологодское-то без хлеба не едал. Размазал я масло, как просили, причмокнул и хитро начал:

— А у них, в Вологде, и сыр...— тут я спохватился, но было уже поздно. От масла я их отвлек, но должен был теперь жевать сыр без воды и хлеба. Впрочем, с едой можно было и подождать до Барнаула. Там залетали самолеты, и один уже вылетел за нами.

В Барнауле пришлось ночевать, потому что последний самолет на Новосибирск улетел на моих глазах. Разогнался, поджал лапки и растворился в туче, пока наш «Антон» к вокзалу подруливал.

Тут тоже гостиницы не имелось, а ехать в городские нечего было и думать. Здесь гастролировал Киевский балет на льду и плюс к этому настала пора стольких важнейших совещаний, посвященных важнейшим вопросам, что даже, например, участников экономического веча, на которое прибыл Леонид Степанович с товарищами, не удалось полностью «оночлежить», и они разъехались: кто к знакомым, кто на вокзал спать на крепких и тяжелых, как танки, скамьях.

Здесь, в аэропорту, хоть мягкие кресла были, а если их умело составить, то почти кровать получится.

Несколько человек из числа таких, как я, опоздавших, кое-как устроились в креслах. Не стала ложиться только тетя Вера, которую ждала дочь в Усть-Калманке. Тетя Вера то и дело пускала в ход нюхательный табак, но ее так укачало в самолетах, что желанного чихания не выходило.

Барнаульская аэроизба не обширнее, чем в Турачаке, а пассажиров — и не счесть. Так что, когда утром радио объявило, что все рейсы задерживаются на час, народ переполнил собой всю избу. Даже на весах сидел некто и весил центнер.

Но зато и Барнаул собирается к лету обзавестись своим неузнаваемо новым аэропортом.

Отсюда на Новосибирск курсировал полулайнер «ИЛ-14».

Теперь уж в самолете почти сплошь дальние пассажиры и везут с собой бог знает что. Элегантный мужчина транспортирует в Москву охапку новеньких хоккейных клюшек. Зачем — неизвестно. Спросить его все равно невозможно, потому что он даже на ходу спит: трудоемкое и ответственное задание, видать, выполнил.

— Это Горький.

— Да нет, это Казань.

— Что, я не знаю Горького! Вон, видите, и Ока в Волгу впадает.

— Полетим — увидим. Если это Горький, то скоро над Владимиром пролетим. Сначала еще Вязники будут. Потом — Ковров, я там на экскаваторном заводе был.

— Что-то больно уж хорошо вы в городах разбираетесь. В командировках, наверное, часто бываете?

— А я толкач.

— Ну, что вы, прямо вот так вот сразу и сознаетесь! Вдруг тут кто-нибудь не одобряет такого звания.

— Уж не вы ли?

— Я.

— Будете клеймить меня позором?

— Не вас, а такой порядок вещей, при котором...

— Вот-вот! А моя фамилия — Креков... Первая буква — «К»... я пару задвижек на двести атмосфер в Свердловске раздобыл, диаметром — триста.

— Очень приятно. А моя фамилия — Коровин, и первая буква — тоже «К»... А обратных клапанов там на то же давление не было?

— Были. Но вы же не одобряете...

— Нет, не одобряю. Мне просто интересно очень... Так нам эти клапаны нужны...

Эта беседа происходила уже в лайнере, на высоте девять тысяч метров. Собеседники сидели позади меня, и тот, который «толкач», подсел в Свердловске, а крепкий моралист летел из Новосибирска.

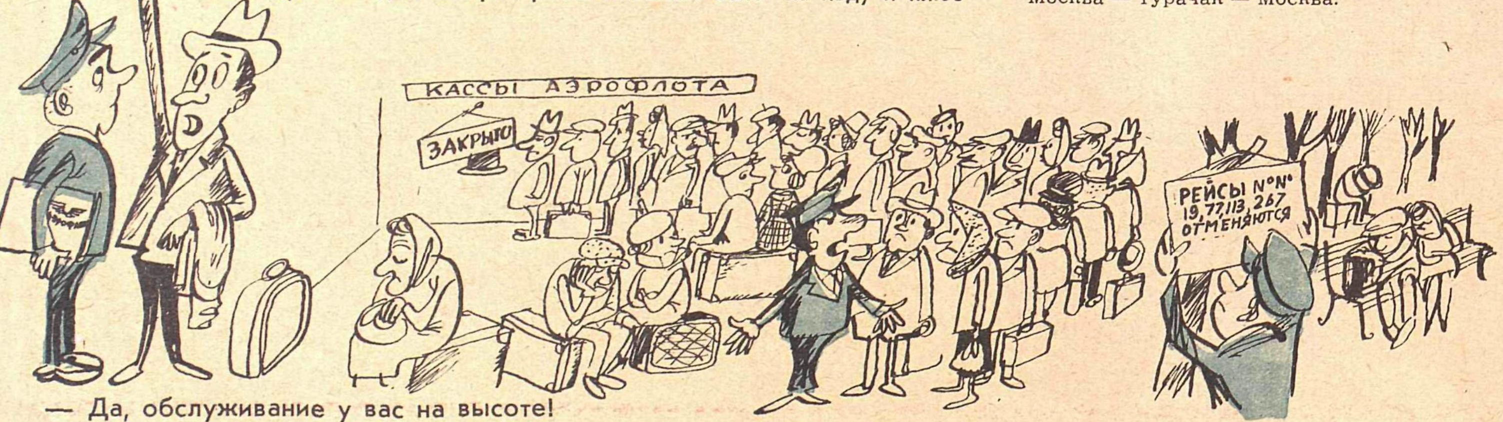
От Новосибирска на Москву летели по прямо-таки «запруженной» Транссибирской воздушной линии. То и дело, как большие белые снаряды, проносились навстречу километром выше встречные «ТУ», а километром ниже — «ИЛы».

В лайнерах Аэрофлот пекся о пассажирах, проявлял обычную неземную заботу о путнике. Создавал наивсяческие удобства — от кормления жареными курочками до развлечения не слишком азартными настольными играми. Такой небесной окружили заботой, что и приземляться как-то уж даже расхотелось.

Пятьдесят два часа от Турачака до Москвы получилось из-за столь дурной погоды в алтайских степях. Зато и впечатлений для путевого репортажа накопилось достаточно. Лет сорок — пятьдесят назад на этом пути их могло бы хватить на толстую, как кирпич, книжку. А вот теперь, если летом и впрямь в Горный Алтай полетят из Москвы прямые самолеты, то за шесть часов полета только и успеешь, что отдохнуть от земных забот. Так что, возможно, вы никогда больше и не увидите репортажа с этой трассы.

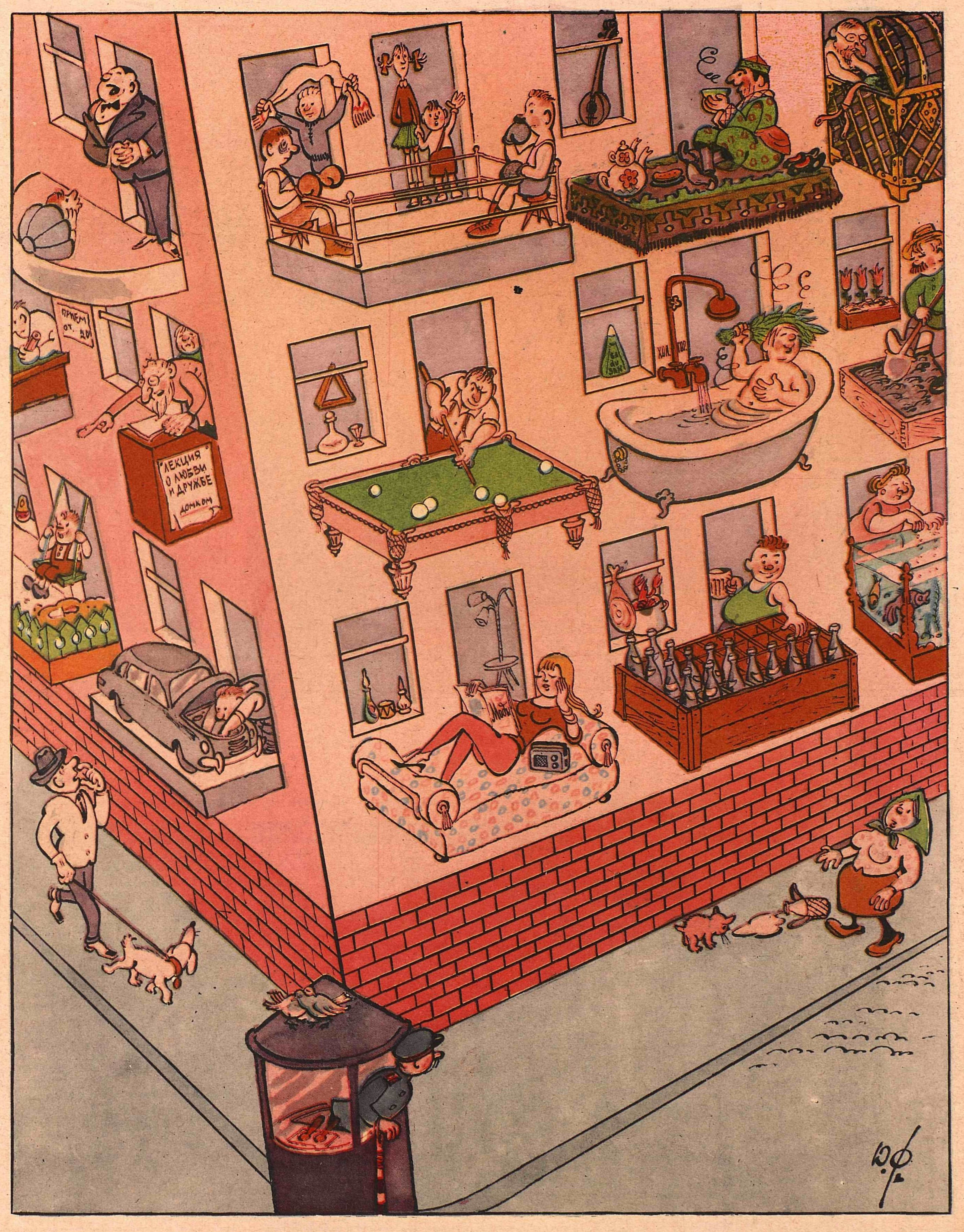
Е. МАТВЕЕВ,
специальный корреспондент Крокодила

Москва — Турачак — Москва.

— Да, обслуживание у вас на высоте!

Рисунок Б. САВКОВА

ВЕСЕННИЕ БАЛКОНЫ (по индивидуальным проектам). Рисунок Ю. ФЕДОРОВА

Ко

— Сейчас он начнет разводить демагогию насчет того, что собака — друг человека...

Рисунок А. КАНЕВСКОГО

КОНКУРС НА ЛУЧШИЙ КОРОТКИЙ РАССКАЗ

АВТОЛЮБИТЕЛЬСТВО

Как-то иду и встречаю блаженно улыбающуюся чету Саквояжских.

— Здравствуйте! — говорю. — Саквояжский, ты прекрасно выглядишь! Еще неделю назад ты был похож на человека, пишущего завещание! У тебя что, резко подскочил жизненный уровень?

— Ой, Васенька, мы так счастливы! — сказала Саквояжская.

— Нам выпала возможность хотя бы месяц пожить нормально,— добавил Саквояжский.

— Вы отпуск получили?

— Нет, у нас машину угнали. Не ругаюсь я теперь целыми днями с управдомом и с жильцами не ругаюсь, что, мол, некуда поставить машину!

— А ночью,— радостно прощебетала его жена,— ночью мы не просыпаемся от каждого шороха, не дрожим, что ее угоняют.

— А днем я не бегаю вокруг нее, как собака, отваживая мальчишек, чтоб не поцарапали кузов или не брякнули стекло!

— Запчасти не скупаем по барахолкам.

— Вот костюм приличный надел. Не валяюсь в грязи под машиной. И вдобавок я теперь и выпить могу,— ехать-то никуда не надо! За этим, между нами, мы и топаем.

— Выходит, тебе чертовски повезло.

— Конечно! Пока еще найдут! У нас сейчас прямо медовый месяц.

— Верно, милый...

А потом около нас остановился «Москвич». Из него выскочил наш общий приятель Барабанов. Я сразу узнал, что это машина Саквояжского.

— Ага, вот где я тебя нашел!— завизжал Барабанов.— Ну и свинью ты мне подложил, Саквояжский! Попросил на месяц угнать машину, я, как друг, это сделал, месяц прошел, а он не берет! Сегодня меня будет судить товарищеский суд: я дал управдому в ухо. Жильцы мне дали в ухо... Дети во дворе... Забирай свой тарантас! И я не знаю, когда мы помиримся! Прощай!

Жена посмотрела в упор на бледного Саквояжского. Я понял, что теперь встречу его не скоро.

«НАВУХОДОНОСОР»

ПРИМЕРКА

Некто Бабаягов получил извещение от дирекции ателье:

«Уважаемый тов. Бабаягов! Просим вас явиться на примерку вашего костюма».

Бабаягов ответил так:

«Уважаемая дирекция! Прошу меня извинить, но я не могу явиться на очередную примерку, потому что у меня одни дочери. Дело в том, что костюм заказывал у вас еще мой дед. Жизнь он прожил долгую и прекрасную, но костюм так и не получил, потому что при его жизни, к сожалению, состоялась только одна примерка. На вторую пошел его сын, то есть мой отец. Он был уже стар и немощен, когда пришло время третьей примерки, на которую вынужден был пойти его сын, то есть я. Мне очень жаль, но мое здоровье уже не позволяет мне доехать до вас. А сыновей у меня, к несчастью, нет. Одни дочери. Так что у меня к вам большая просьба: нельзя ли подождать, когда подрастет мой внук? Мне кажется, что это вполне в ваших силах. Заранее благодарен. Бабаягов».

Вскоре был получен ответ:

«Уважаемый тов. Бабаягов! Идя навстречу пожеланиям клиентов и всемерно улучшая обслуживание, мы согласны отложить очередную примерку костюма до указанного вами срока. Дирекция».

«УШАСТЫЙ»

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ПРОТИВ НИКОЛАЯ ВАСИЛЬЕВИЧА

Когда человек едет в Ригу, ему дают уйму наставлений:

— Побывай на взморье.

— Послушай орган в Домском соборе.

— Полюбуйся на старый город.

И уж обязательно посоветуют:

— И главное, зайди на улицу Фридриха Энгельса в дом номер семнадцать. Любопытнейшие события с ним связаны.

О том, что дом знаменит, спорить не приходится. О «событиях любопытнейших» писали «Правда», «Гудок», сатирический журнал «Дадзис», «Советская Латвия», «Ригас балсс», «Падомью яунатне». В курсе событий корреспонденты и других центральных газет, а также прокуратура и судебные инстанции.

Домик же сам по себе неказист. Обычное двухэтажное деревянное строение и обшарпанное к тому же довольно сильно. Только у дверей красуется большая вывеска, на которой золотом написано: «Балтморгидрострой». Это золото и скрашивает общее неказистое впечатление.

Знаменит же этот дом конфликтом. По одну сторону огневого рубежа стоит руководство треста во главе с Николаем Васильевичем Красовым, а по другую — старший инженер по технике безопасности Николай Васильевич Яскевич.

Но это только для приличия говорят столь высокопарные слова: «конфликт», «огневой рубеж» и всякое такое. На самом деле здесь уместны более житейские термины.

Дело в том, что когда работник беспокоен и наступает начальству на любимую мозоль, появляется желание этого работника скушать.

И давайте не будем делать вид, что этого никогда не бывает. И что все мы такие уж вегетарианцы. Тем более, что, если разобраться, это желание довольно естественное. Оно, может, досталось нам от далеких предков.

Но, дорогие товарищи! Предки предками, а действовать надо все-таки цивилизованно, по правилам хорошего тона.

А то ведь что получается? Вот разгорается вышеуказанный конфликт. Разгорается он прямо с приездом нового управляющего трестом Красова. Правда, начальник был не то чтобы совсем новый. До этого он руководил строительным управлением этого же треста в Калининграде. Во всяком случае, он, полный творческих замыслов, с повышением переезжает в Ригу. А в Риге вместо торжественной встречи его ожидает довольно неприятный сюрприз. Яскевич во всеуслышание говорит, что при переезде Красов злоупотребил служебным положением. Шоферам, которые перевозили красовские вещички, были выписаны фиктивные путевые листы, рабочим, производившим погрузку имущества,— фиктивные наряды. И вдобавок все эти погрузочно-разгрузочные операции завершились несчастным случаем с одним из рабочих.

И было бы полбеды, ежели бы Яскевич об этом только говорил. Можно было бы с этим как-нибудь смириться. Но он еще и писал во все концы, то есть проявлял крайнюю неуживчивость.

Теперь вы мне скажите: следует такого работника скушать? Да сам бог велел! Тем более, что дальше он проявляет не только крайнюю неуживчивость, но даже и крайнюю принципиальность. Вскрывает нарушения правил техники безопасности, лезет даже куда и не просят. Ну что это такое?

Тогда руководство треста дает Яскевичу легкий намек на неугодность *такого поведения*. Ему выносится выговор, а затем второй. Но Яскевич намека не понимает и обращается в суд. Руководству ничего не остается делать, как снять эти взыскания.

Что делать дальше? Конечно, Яскевича нужно снять с работы. И издается приказ, по которому он увольняется за непригодностью.

Но на свете есть суд, который, естественно, назначает экспертизу. А та, в свою очередь, устанавливает, что «проверки, проведенные Яскевичем, как видно из актов, носят глубокий и принципиальный характер». Она подтверждает полную пригодность Яскевича к занимаемой должности, а суд признает увольнение неправильным.

Такие вот каверзы нам порою преподносит жизнь. Правда, делаются еще попытки избавиться от Яскевича путем перевода его на завод железобетонных конструкций, но суд пресекает и эти поползновения. А потом руководство треста уже, видимо, пало духом, и доедание Яскевича производилось по мелочам. И так это выглядит неаппетитно, как будто руководство никогда не имело представления о правилах хорошего тона.

Вдруг, скажем, Яскевича *ни с того ни с сего* посылают на медицинское переосвидетельствование. Вроде бы проявляется забота: может ли инженер с одной рукой (Яскевич инвалид и работает на этой должности уже шесть лет) проверять разные объекты? Не тяжело ли ему будет?

Или не дают справку, чтобы представить в райсобес. Заставляют ходить за ней несколько раз, требуют из собеса официальный запрос, мытарят неделю, вторую, третью... А потом выдают такую справочку, что только ахнешь. Не справка, а обвинительное заключение: премий, дескать, лишался за неудовлетворительную работу, а из-за этой неудовлетворительной работы были допущены случаи травматизма. И между строк сквозит недоумение: зачем такому человеку платить пенсию? В общем, черт знает что.

И мы вынуждены с грустью констатировать, что борьба между двумя Николаями Васильевичами сейчас потеряла всякую спортивную форму и выглядит несолидно. Если раньше рижские суды и прокуроры то и дело занимались разбором этого конфликта, причем дела были по пятьсот листов, то сейчас все как-то измельчало, и, можно сказать, наступило относительное затишье.

Октябрьский райком партии всего три месяца назад вникал в это дело и вроде бы держал сторону Яскевича. А вот поставить точку не сумел. Он решил, что затишье — это как бы перемирие.

А на самом деле перемирия-то никакого и нет. Что же касается затишья, то оно образовалось, думается, потому, что многим в Риге уже надоела эта игра. Неинтересно, понимаете ли, и судить и смотреть, когда играют в одни ворота. Все пинки и тычки достаются одному из Николаев Васильевичей.

И вот мне пришла в голову такая простая мысль. Очень мне хочется ею поделиться. Ведь если бы, подумал я, хотя бы одно взыскание влетело в ворота другого Николая Васильевича, то игра сразу стала бы спортивной. И уж, во всяком случае, никто бы не сказал, что она идет против правил.

А. НИКОЛЬСКИЙ,
специальный корреспондент Крокодила

г. Рига.

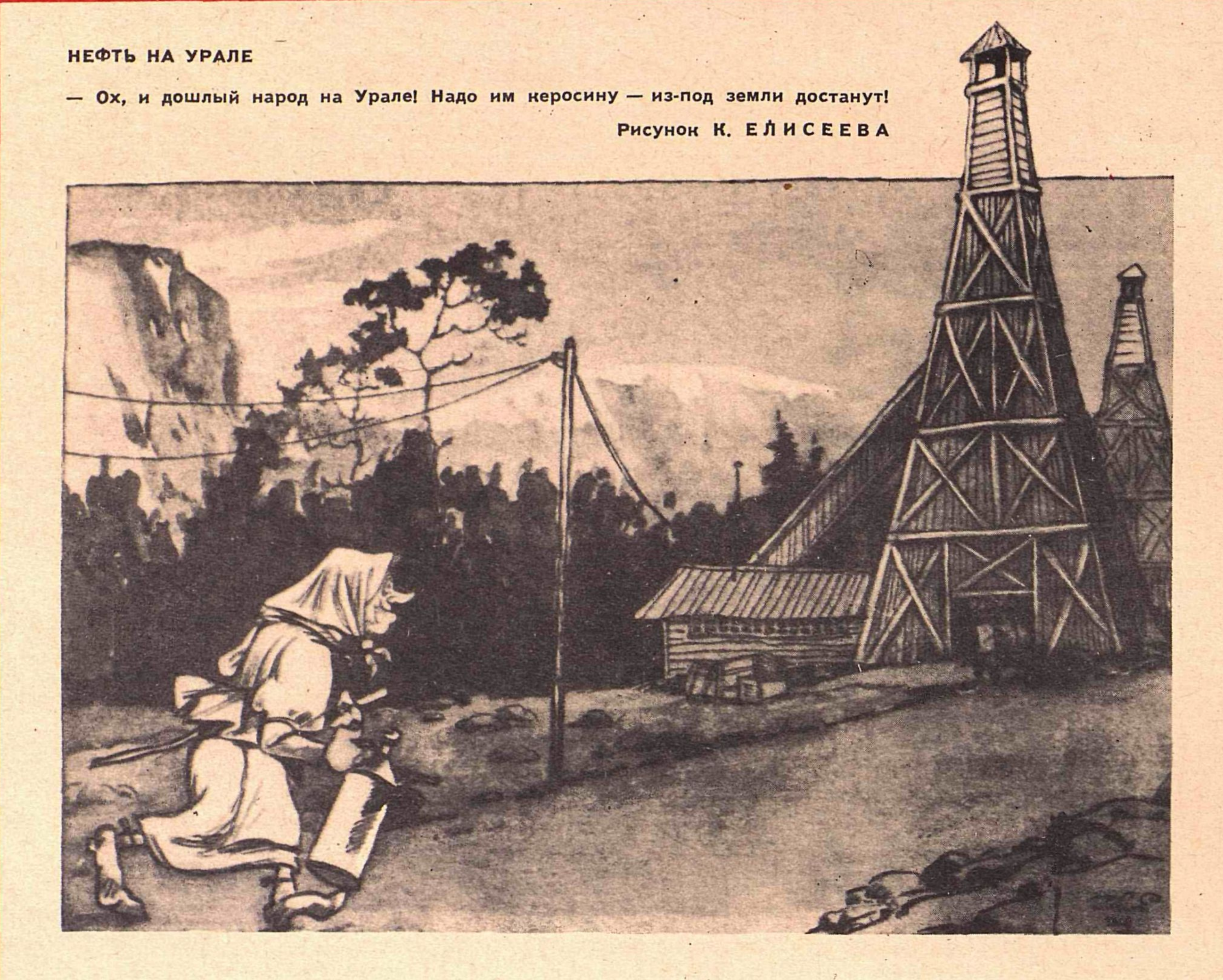
— Пусть сразу выясняют, кто из них будет главой семьи.

Рисунок В. ЧИЖИКОВА

НЕФТЬ НА УРАЛЕ

— Ох, и дошлый народ на Урале! Надо им керосину — из-под земли достанут!

Рисунок К. ЕЛИСЕЕВА

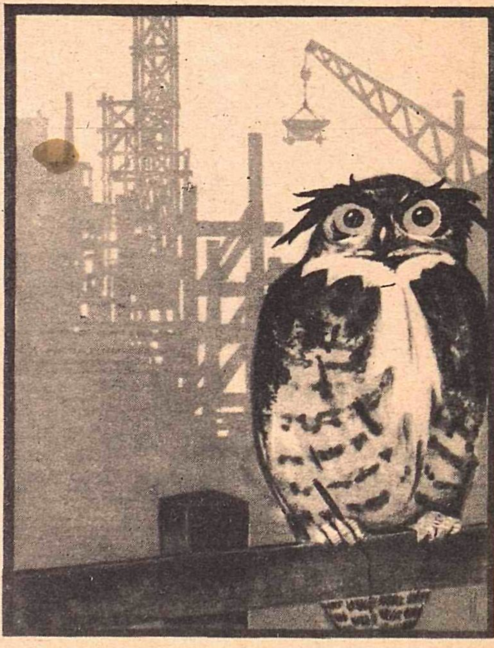

СТРОИТЕЛЯМ ХАРЬКОВСКОГО ТРАКТОРНОГО

408 ХАРЬКОВА ТРАКТ 87 Адрес
-25 24 17 МОСКВА РЕДАКЦИИ КРОКОДИЛ:
ПЕРВАГО ОКТЯБРЯ ПУСК ХАРЬКОВСКОГО ТРАКТОРНОГО ЗАВОДА ПРИГЛАШАЕМ ПРЕДСТАВИТЕЛЯ РЕДАКЦИИ ПРИБЫТЬ ТОРЖЕСТВА ОТКРЫТИЯ ЗАВОДА=НАЧ ТРАКТОРСТРОЯ СВИСТУН СЕКРЕТАРЬ ПАРТКОМА ПОТАПЕНКО ПРЕД ЗАВКОМА БИБИКОВ-

Всем, всем, всем строителям-героям,
Участникам одной из великих побед,
Поработавшим над Харьковским тракторостроем,
Пламенный крокодильский привет!
«Крокодил», восхищенный радостной вестью,
Вилы свои перед вами склонил:
Вы выполнили задание с большевистской честью,
Харьков темпам не изменил...
Ударный срок: год и три месяца!
Теперь оппортунисты платочком завесятся,
Те самые, которые раньше «аханьки да хаханьки»,
Дескать, отрезок времени больно махонький.
Те самые, которых смех был резок:
Мол, это не отрезок, а какой-то «обрезок»!
Те самые, которые кричали громче плакатов:
— Не по штату нам темпы Соединенных Штатов!
— Ну-ка, вы, которым мы знаем цену,
Пожалуйте-ка сюда, на сцену!
Где вы? Где ваш предостерегающий зык?!
Ага! Пришлось вам прикусить язык...
То-то! Здорово этим отрезком времени
Ударило вас по оппортунистическому темени!..
Американские темпы отошли в тыл:
Большевистские темпы никто не перекрыл.
В наших темпах превосходство!
В нашей работе ударность!
Да здравствует отважное руководство,
Командирам Тракторного пролетарская
благодарность!
Пускай там некоторые хмурятся,
«Крокодил» говорит веское слово:
— Пора нам забыть Илью-Муромца,
Добрыню Никитича и Алешу-Удалого.
Надо, раскассировав этих «героев» всех,
Запомнить настоящих героев тракторостроевских.
Вот имена из поэмы о пуске:
Свистун, Востров, Шнеерсон, Потапенко, Брускин.
Да здравствует тракторная штурмовая лава,
Всем рабочим-ударникам боевая слава!
И комсомольцам, дравшимся за трактора,
«Крокодил» возглашает всесоюзное «ура»!..
Итак, провалилось «правых» пророчество
Насчет всяких там неприступных преград...
Харьковскому тракторному не страшно одиночество
С ним перекликается сталинградский брат.
— Алло! Внимание, товарищ Харьков!
К пуску шлю один из лучших подарков.
Сообщаю: преодолевши болезни роста,
Довел я суточный выпуск ДО СТА!..
По-ударному выполняют промфинплан там,
Ура всесоюзным тракторным гигантам!
Скоро побегут, уверенно руля,
Новые трактористы на колхозные поля.
«Интернационалы», «катерпиллеры» вспашут
черноземный грунт,
Широкими бороздами земля взлохматится...
А там, за рубежом, английский фунт
Безнадежно под уклон катится!..
Вспотевшие банкиры обмахиваются веером,
От покатившегося фунта сумятица...
А у нас с мощных советских конвейеров
«Интернационалы» и «фордзоны» катятся!..
Всем, всем, всем строителям-героям,
Участникам одной из великих побед,
Поработавшим над Харьковским тракторостроем,
Пламенный крокодильский привет!

КРОКОДИЛ

ОППОРТУНИСТИЧЕСКАЯ ПТИЦА

— Где же тут строительство? Я, собственно говоря, ничего не вижу!

Рисунок К. ЕЛИСЕЕВА

КА
В
дей
громный
неца,
неца,
олоты
домны,
ды и
сердца.
ЕНСКИЙ
РОТОВА

ИНОСТРАННАЯ РАБОЧАЯ ДЕЛЕГАЦИЯ В СССР

— Не беспокойтесь, камрад переводчик, нам все понятно без слов.

Рисунок Л. ГЕНЧА

Валентин КАТАЕВ

ФЕЛЬЕТОН-КОРРЕСПОНДЕНЦИЯ

«На голом месте...»

«Полтора года назад тут еще было абсолютно голое место...»

Именно этими знаменитыми словами начинаются почти все очерки о Магнитогорске. Когда я уезжал из Магнитогорска, мои магнитогорские друзья сухо предупредили меня на вокзале:

— Имей в виду: напишешь: «Полтора года назад тут еще было абсолютно голое место»,— и твоя карьера как писателя и человека безвозвратно погибла.

— Ладно. Не погибну,— сказал я друзьям, и поезд тронулся.

*

Кстати, о магнитогорском вокзале.

Полтора года назад на месте магнитогорского вокзала было еще абсолютно голое ме...

Извиняюсь!..

Голого места не было. И полтора года назад не было. Вообще ничего не было.

Магнитогорский вокзал при всем моем глубоком уважении к советскому транспорту не может быть отнесен к чудесам строительной техники.

Нельзя сказать, чтобы он мог успешно конкурировать по красоте и великолепию с лучшими мировыми вокзалами. Больше того. Даже скромный кунцевский вокзал в сравнении с магнитогорским может показаться шедевром вокзальной архитектуры.

Магнитогорский вокзал представляет собой три вышедших из употребления железнодорожных вагона, уютно разукрашенных соответствующими надписями.

Но не в этом ли его прелесть?

Он как бы является скромным символом общего строительного движения. Вокзал, дескать, и тот на колесах.

Между прочим, про магнитогорский вокзал комсомольцы сложили такую частушку:

В наших транспортных вопросах
Есть один большой вопрос.
Наш вокзальчик на колесах.
Только транспорт... без колес.

*

Полтора года назад...

Виноват!

Не полтора года назад, а двенадцать часов назад! Таковы магнитогорские темпы.

Картинка.

Раннее утро Первого мая. Просыпаюсь в номере гостиницы (полтора года назад на месте гостиницы было абсолютно го... Ох, извиняюсь!..). Мой товарищ по номеру, магнитогорский старожил, стоит перед широким итальянским окном и пожимает плечами. Чем удивлен мой товарищ? В окно виден широкий строительный пейзаж. Экскаваторы. Тепляки. Фундаменты, подъемные краны.

— Н... нич... черта не понимаю... Гм... Хоть зарежь...

— Да в чем дело?

— Как это в чем дело? Видите?

— Пейзаж вижу.

— Пейзаж... Гм... А посреди пейзажа?

— А посреди пейзажа большая труба.

— Большая труба?

— Ну да. Большая труба. А что?

— А ничего. Поздравляю вас! Мы оба сошли с ума и галлюцинируем. Здесь не может быть трубы. Вчера здесь ее не было.

— И тем не менее труба. Большая железная труба. Вышиной в два порядочных дома.

— Позвольте... Ведь сегодня Первое мая. Понимаю. Понимаю. Это первомайские штучки. Макет трубы. Не иначе. Уф! Гора с плеч!

Но каково же наше удивление, когда оказывается, что труба не первомайский макет, а действительная, всамделишная, настоящая труба.

Ее поставили в ударном штурмовом порядке в течение одной ночи.

— Испортили пейзаж, черти! — печально бормочет мой товарищ.— Вчера я его снимал, а сегодня снимок устарел. Никак за темпами не угонишься.

*

Однако эпизод с трубой — мелочь.

История с озером куда грандиозней.

В двух словах. Была крошечная речка. Курица вброд проходила. А для доменных печей необходимо воды примерно вдвое больше, чем для всей Москвы. Где же взять? В ударном порядке в 73 дня перегородили речку километровой плотиной и сделали «озеро площадью в 15 квадратных километров».

Пришли кулаки из соседней станицы, посмотрели: где речка? Нет речки!

— Караул! Большевики последнюю речку у людей украли! Ограбили!

— А озеро вас не устраивает? — спросили комсомольцы и дружно запели:

Нету речки, и отлично!
Вот где наши козыри:
Не в ручье единоличном,
А в коллективном озере.

*

Теперь насчет магнитогорской кооперации.

Еще полтора года назад на месте магнитогорской кооперации было абсолютно голое мес...

Ах, черт! Виноват. Ну действительно было голое место. Собственно, и сейчас гол...

Опять!.. Я извиняюсь. Место не было голое. И сейчас не голое... Наоборот. Магнитогорская кооперация работает мощными толчками, так сказать, периодами.

Был, например, недавно так называемый апельсиновый период. Магнитогорск задыхался от обилия апельсинов. Магнитогорск был превращен в Сорренто. А кооперация все крыла и крыла апельсинами, пока туземное население не взмолилось:

— Довольно!

И апельсиновый шквал утих так же внезапно, как и начался.

Но зато началось так называемые икорные заносы. Паюсную икру ели все. Даже местные тихие, маленькие, похожие на мышей лошадки с отвращением отворачивались от соблазнительного деликатеса.

Туземцы снова взмолились:

— Довольно икры!

И икра схлынула. Но зато начался буран кофе-мокко.

И так далее.

*

Сейчас в Магнитогорске 85 тысяч человек.

А полтора года назад здесь было голое место.

Да, да! Опять! Именно голое место.

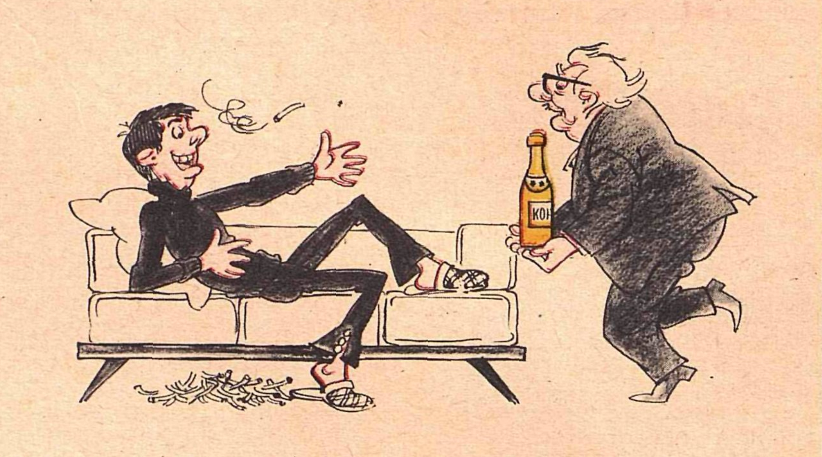
Было голое место, а теперь город.

Пусть я погибну как писатель и человек, но факт: на голом месте большевики строят мировой гигант.

И построят. Будьте уверены!

Материалы, публикуемые на этих страницах, взяты из «Крокодила» за 1929, 1930, 1931 годы.

— Ступай-ка ты, папа, туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что!

. . . .

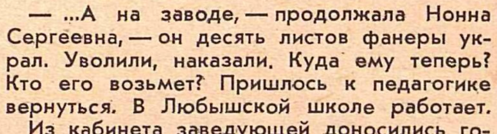

Рисунок Н. ЛИСОГОРСКОГО

УЧИТЕЛЬ ВХОДИТ В КЛАСС...

Я познакомился с нею в Дятьковском гороно.

— К Марии Степановне? — спросила она, кивнув на дверь заведующей.

— Да, — признался я.

Она присела рядом.

— Проворовались? — сочувственно спросила она.

Я оскорбился. Тогда она высказала предположение, что я взяточник. Я стал громко отнекиваться. Затем в течение получаса доказывал, что я не пьяница, не лихоимец и не аморальный тип.

— Но ведь вы насчет работы?

Я ответил, что не насчет работы.

— Так бы и сказали сразу,— обиделась женщина.

Потом она закатала рукава и стала показывать синяк.

— Кто это вас? — испугался я.

— Не помню, — сказала она и прибавила просто: — Я ведь алкоголик. Демидкина я. Не слышали? Тут меня все знают. Со мной недоразумение было.

— Так это с вами? — пробормотал я.

О «недоразумении» я знал. Больше того, именно о нем я и собирался говорить с заведующей гороно тов. Шарденковой.

Дело было так. Шли по дятьковской улице две родительницы. Впереди них маячила женская фигура. Она маячила как-то странно: от забора к дороге и обратно. *Родительницы опешили:* они узнали новую учительницу. Придя в себя, бросились они к директору школы. Директор тотчас же понял, что речь идет о Нонне Сергеевне Демидкиной. Вот уже несколько дней он оттачивал свое обоняние, стараясь постичь, почему это от Нонны Сергеевны веет ароматом массандровских подвалов.

Вместе с родительницами директор поспешил в учительскую. Нонна Сергеевна показывала синяки и говорила что-то о муже и об эмансипации женщин. Потом учительницу бережно вынесли из школы. Ученики, которым она должна была объяснять образную систему «Поднятой целины», ликующе глядели вслед процессии: открывалась блестящая перспектива погонять в футбол.

Объяснять образную систему учительница явилась через несколько дней. Но черствый директор Антюшин попытался вручить ей вместо классного журнала трудовую книжку. Учительница топнула ногой и пошла в гороно к Марии Степановне. Через четверть часа грозно зазвонил телефон. Директор выслушал заведующую и сказал, что пусть его режут на части.

— Но, — прибавил директор, — Демидкина у нас работать не будет.

— Демидкина работать у вас будет, — твердым голосом сказала Мария Степановна. — У нее, как вам известно, диплом. С отличием.

Директор снова предложил разрезать себя на части. Затем он предлагал это еще несколько раз и в конце концов добился: Демидкина в школе более не появлялась. И вот теперь она сидела в приемной гороно.

Я полюбопытствовал, не собирается ли она после всего случившегося с ней снова учительствовать.

— А почему бы и нет? Я уступила тогда лишь по неведению.

— Бросьте! Не возьмут вас.

Нонна Сергеевна смерила меня снисходительным взглядом и, щелкнув сумкой, подала мне лист бумаги. Это был «приказ № 83 по Фокинской восьмилетней школе № 2» того же Дятьковского гороно.

«19 декабря 1966 г. учительница начальных классов Павлова Антонина Михайловна, выйдя с 3-го урока 2-й смены в коридор, напилась водки и опьянела до потери сознания. Пьяной валялась в коридоре, а потом на улице. Водку в школу она принесла *заранее и спрятала у входа в подвал.* Пьяной учительницу видели учащиеся...»

«Недоразумение» с Нонной Сергеевной несколько потускнело.

— *Лишили права преподавания?* — не дочитав приказ, спросил я.

Демидкина улыбнулась моей наивности.

— Такого у нас отродясь не бывало. Выговорок получила. *А я что, хуже?*

— Но это единичный случай,— попробовал я защищаться.

— Почему единичный? Сереженко знаете? *Василия Иосифовича? Которого из техникума за мздоимство уволили?*

— И что, тоже в школу?

— На завод пошел...

— Ну *вот видите! — обрадовался я.* — В школу-то не взяли!

— ...А на заводе, — продолжала Нонна Сергеевна, — он десять листов фанеры украл. Уволили, наказали. Куда ему теперь? Кто его возьмет? Пришлось к педагогике вернуться. В Любышской школе работает.

Из кабинета заведующей доносились голоса. Нонна Сергеевна беспокойно прислушивалась. А я теперь понимал, почему моя собеседница, решив, что пришел я насчет работы, стала допытываться, кто я — расхититель, забулдыга или мелкий хулиган.

Голоса в кабинете звучали все громче. Нонна Сергеевна *прислушивалась к ним,* и вдруг лицо ее просияло.

— Вы знаете, кто у Марии Степановны?

— Кто?

— Галина Петровна Горохова.

Галина Петровна, оказалось, не чета Сереженко. Она и не думала марать руки какой-то там фанерой. Работая председателем *горкома союза, сотнями* прикарманивала профсоюзные денежки. Когда это открылось, из горкома союза ее попросили. Но до ареста и суда надо было где-то *работать. И вот Горохова пришла в гороно* к сердобольной Марии Степановне. Та живо откликнулась: в кабинет к ней вошла расхитительница, а из кабинета вышла воспитательница Дятьковской школы-интерната...

Нонна Сергеевна исчезла за дверью кабинета.

— *Пессимист!—весело бросила она мне,* возвратившись через минуту.

Пессимист — это все же не взяточник. Я не оскорбился и спросил тихо:

— Куда?

— В третью школу.

Я кивнул и пошел к Марии Степановне. Она парировала все мои доводы одним универсальным оружием: у оскандалившихся педагогов были дипломы.

Тогда я поехал в Брянск, в облоно. «Есть же, например,— сказал я там,— закон, запрещающий проворовавшимся занимать материально ответственные должности. Почему же утрата морального права на преподавание не влечет за собой лишения права юридического?» Мне ответили, что в принципе учителя можно лишить диплома, но практически сделать это чрезвычайно сложно.

— Впрочем, — смущенно признался заместитель заведующего облоно В. В. Зубов, — мы как-то ни разу и не пытались это сделать.

...Когда учитель входит в класс, ребята встают. В этом молчаливый знак признания высокой нравственной чистоты учителя. И нельзя допускать, чтобы эта наполненная большим смыслом традиция превращалась в пустую формальность.

Р. КИРЕЕВ,
специальный корреспондент Крокодила

г. Дятьково,
Брянской области.

КОНКУРС НА ЛУЧШИЙ КОРОТКИЙ РАССКАЗ

ВОСКРЕСЕНЬЕ — ДЕНЬ ВЕСЕЛЬЯ

Утро было прекрасным. На небе ни облачка, только одно солнце. Я жарила на завтрак яичницу с отдельной колбасой. Казалось, ничто не предвещало беды.

— Петя, а как мы проведем сегодняшнее воскресенье? — спросила я.

— Уважаемая жена,— сказал Петя,— широки и необъятны просторы нашего родного Подмосковья.

От удивления я разбила лишнее яйцо.

— Нет, серьезно... Такой чудесный день! Хочется куда-нибудь на природу...

— Да,— сказал Петя,— природа нашего Подмосковья исключительно богата лесными массивами. Ее флора и фауна по красоте почти не уступают Швейцарии. Зеленые дубравы, прохладные реки, мягкие лужайки — все это создает отличные условия для прекрасного отдыха. Где, как не в родном Подмосковье, восстанавливать силы для новой трудовой недели!..

Мне стало не по себе, а шипение яичницы показалось зловещим.

— Что с тобой, Петя? Ты как-то странно говоришь... Ты, наверное, здорово переутомился... Совсем не жалеешь себя... Тебе бы на курорт...

Он посмотрел на меня печальными глазами.

— С чего это ты взяла? Я прекрасно себя чувствую! Кстати, наше Подмосковье успешно соперничает с лучшими жемчужинами Крыма и Кавказа, а его климат особенно полезен гипертоникам, лицам с блуждающей грыжей и беременным женщинам.

Мне стало плохо. Одной рукой я схватилась за сердце, а другой за телефон.

...Когда санитары уводили его, он почти не вырывался и лишь бодро выкрикивал:

— Украсим наше родное Подмосковье!

Садясь в машину, он наклонился ко мне и грустно прошептал:

— Берегите лес от порубок. И, ради бога, обрыбляйте водоемы.

В больнице Петя все время пытался устроить диспут на тему «Лучший отдых в выходной день».

...Сейчас дело идет на поправку: Петя читает не туристские проспекты, а Тургенева, Пушкина, Майкова, Фета и других певцов русской природы.

В воскресенье его обещали выписать.

«АНЧУТКА»

ИСПОРЧЕННЫЙ ВЕЧЕР

Уже два года мы собирались сделать это, но суета жизни не позволяла нам два года сделать это. Но сегодня, наконец, мы выбрали-таки свободный вечерок и собрались с женой пойти «куда-нибудь, чтобы не сидеть вечно взаперти, как в тюрьме».

— Пошли на эстрадный концерт.

— Хватит, два года тому назад меня чуть не хватил инфаркт, когда певица вышла на сцену в голубом платье, в котором неизвестно где кончалось декольте, и ты весь вечер, как ошалелый, пялил на нее глаза.

— Тогда в оперетку, а?

— Думаешь, мы одни хотим в оперетку? А билеты?

— Не беспокойся, у меня там кассирша знакомая.

— Откуда?

— Давай теперь целый вечер выяснять это. Больше нам делать нечего!

— Пошли к цыганам, на Сличенко!

— Ничего не выйдет. В «Ромэн», когда поет Сличенко, лишние билеты за два квартала спрашивают.

— Так куда же прикажешь идти?

— Слушай, а может, в цирк? Посмеемся.

— А что там? Олега Попова сегодня нет, только дрессированные слоны и медведи. Хватит, я каждый день их вижу на работе!

— Знаешь, в «Победе» идет сегодня колоссальный детектив. Польский, что ли...

— Ладно, раз в жизни уступлю тебе. Пошли! Ой, нет, подожди, вспомнила. Мы вообще никуда сегодня не пойдем. По телевизору — Миронова и Менакер.

— Да, неожиданная ситуация. Что же, тогда давай хоть к Кугуткиным сходим! У них и телевизор посмотрим. Убьем сразу трех зайцев:

прогулка туда и обратно;

будет считаться, что мы сходили в гости, не забываем их;

посмотрим Миронову и Менакера.

— Это у них смотреть? Тогда надо взять с собой бинокль или телескоп, чтобы...

— Брось, экран у них не такой уж маленький.

— Наш телевизор стоит четыреста с лишним рублей, а ихний сколько?

— Думаю, ты не приобретешь косоглазия, если один раз посмотришь телевизор у Кугуткиных.

— Все это хорошо, но откуда ты знаешь кассиршу из оперетки?..

«АВТОБУС»

— Выбирайте что-нибудь одно: либо бильярд, либо работу упаковщика!

Рисунок А. ЦВЕТКОВА

Ганс ЗАЙФЕРТ

Яблоко от яблони...

Вечер. Каждый занят своим делом. Отец потягивает сигару, мать разгадывает кроссворд, а сынишка Клаус корпит над домашним заданием. Вдруг звонок.

— Наверно, Бруно с женой! — раздосадованно ворчит отец.

— Их нам только и не хватало! — вздыхает мать.— Жаль, пропал вечер.

— Выйди и скажи им через цепочку, что ты один дома,— приказывает Клаусу отец после второго настырного звонка.— Скажи вот что: «Папа с мамой ушли к Шраммам, и я не знаю, когда они вернутся».

Клаус—послушный ребенок. Он встает и делает то, что приказано.

* * *

Бабушка Вероника пригласила Клауса в воскресенье на обед. Клаус бодро уплетал тушеную свинину с квашеной капустой и докладывал бабке школьные и дворовые новости. После шоколадного пудинга он с удовольствием покувыркался по комнате, а потом поиграл в саду. Настала пора идти домой.

На прощание бабушка сунула ему в руку две марки, приговаривая:

— Отцу только ничего не говори! Подумает еще, что я тебя слишком балую. Просто скажешь: нашел на улице. Ну, дай щечку, голубчик...

* * *

Встречает однажды Клаус на улице дядю Персекке.

— Привет, малыш! — кричит тот еще издалека.— Куда путь держишь?

— В магазин! — важно заявляет Клаус.— Нужно купить матери стиральный порошок.

— Не нашел лучшего занятия! — смеется дядя.— Пойдем, я покажу тебе козляток, которые вчера народились у нас в сарае. Хочешь?

Ну, конечно, Клаусу очень хочется.

— Да ведь мама ждет...— мнется он.

— Ну, чего там,— успокаивает дядя.— Стиральный порошок никуда от нас не убежит. Скажешь маме, что в магазине была большая очередь, всего и делов. Пошли. Давай лапу.

И они идут.

* * *

Дома пир горой. Отцу стукнуло пятьдесят.

— Постойте, — спохватываются вдруг гости,— а где же Клаус?

— Этому сорванцу нечего делать за столом,— строго объявляет отец.— Он наказан за вранье. Не пошел, видите ли, в школу, а учителю на следующий день нахально наврал, что вывихнул ногу. Что вы скажете на это?

— Похоже на то,— в раздумье произносит бабушка,— что воспитание в нынешней школе никуда не годится.

А дядя Персекке удивленно бормочет:

— И откуда только у малыша эта привычка врать?

— Черт знает откуда! — Отец яростно бьет кулаком по столу, так что вино приплясывает в бокалах.— Загадка, и только!

Перевела с немецкого М. БЕРЕЗИНА.

Закон, принятый бундестагом, разрешает носить гитлеровские ордена и медали только в том случае, если на них «не изображена свастика».

— ЗАКОН ЕСТЬ ЗАКОН!

Рисунок Л. САМОЙЛОВА

РАЗГОВОР У ДВЕРЕЙ

Швейцар не пускал.

— Ну зачем вам? — спрашивал он, с подозрением оглядывая согбенную фигуру неопределенного пола.

— Слово и дело! — твердила фигура, пытаясь принять вертикальное положение.

— Ничего не пойму. Какое слово и дело?

— Важное. Государственное.

— Смешно: вы — и государственное дело! Да вы что такое?

— Я не такое, а такая,— обиделась фигура и, приосанясь, прошамкала: — Я Россия!

— Не смешно. Чтобы Россия да кланялась в швейцарской!

— Я не та Россия, о которой вы думаете. Я Россия в кавычках. Пустите к их высокопревосходительству! ,

— Опять! — рассердился швейцар.— Ну зачем тебе их высокопревосходительство? Как ты не поймешь: будь ты действительно Россией, он сам бы вышел навстречу, руку бы протянул, как положено. А что ему ты, которая в кавычках? За милостыней пришла?

— Милостыню я уже получила: их высокопревосходительство разрешило мне приютиться в Нью-Йорке, на 18-й стрит. Дай им бог успехов во Вьетнаме!

— Ишь ты! — удивился швейцар. — Политикой интересуешься! Так чего же ты хочешь?

— Хочу открыть их высокопревосходительству глаза. Нельзя так в дальнейшем относиться к России.

— Это к тебе, что ли? — насмешливо спросил швейцар.

— Нет, к той.

— Понимаю: которая без кавычек, настоящая. Родственница она тебе, что ли?

— Родина. Вот и забочусь о ней денно и нощно.

— Это похвально. И что ты хочешь сказать?

— А то, что лидеры западного мира почему-то до сего дня разговаривают с Россией, да еще вежливо. Вот, милый, я и хочу нижайше вымолвить со всей решительностью: «Ваше высокопревосходительство! Это страшная ошибка! Пришла пора перестать даже разговаривать с ней!..»

— Я так и подозревал, что ты из ненормального дома! Ну, ладно, договаривай до конца.

Фигура обиженно просопела и продолжала:

— Ясно, как белый день, всем, имеющим глаза, уши и сердце на правом месте, что Россия...

— Постой, постой! Это еще что за ересь: «глаза, уши и сердце на правом месте»?

— Не придирайтесь: русский язык я запамятовала, английским выражаюсь с опечатками... Об чем я говорила?.. Ага! Их высокопревосходительство активно выступает за эскалацию войны во Вьетнаме, но закрывает свои могущественные очи на то, что делается в Советской России...

— Ты что же, хочешь призвать его начать войну против России? Но ты сама же сказала, что это твоя родина!

— Родина, милый. Вот поэтому и забочусь о ней денно и нощно, глазыньки свои все проплакамши. Выгнали меня оттеля, до сих пор синяк на нескромном месте. Вот и взываю: с богом, под двуглавым орлом вперед! Пуля — дура, водородная бомба — молодец! Урраа!!

— Определенно ненормальная! Не пущу!

Фигура опустилась на колени, протянула швейцару сверток, забормотала:

— Тогда низкопоклонно прошу вручить в собственные руки их высокопревосходительства, тутотки все-все сказано.

— Что это?

— Это я сама и есть — «Россия». Газета. Национальная и надпартийная. Открывающая глаза лидерам западного мира аж с 1932 года на способы обращения с Советской Россией...

— Оставь,— сказал швейцар, беря свёрток двумя пальцами. Ему как раз понадобилась бросовая бумага.

* * *

Грустная это штука—пожизненная прописка в выгребной яме истории. Пищи — не пищи, никто не слышит. Как ни надрывается редактор выходящей в США эмигрантской газеты «Россия» мистер Месняев, никто ему не внемлет. Он советует, наускивает, дает четкие директивные указания, как надо относиться к Советскому государству, а большой босс его в грош не ставит.

Впрочем, и читатели брезгуют связываться с месняевским листком. Не случайно мистер Месняев однажды сам признался, что если в его газету иногда и поступают какие-нибудь письма, то, как правило, анонимные.

В общем, худое это дело — чирикать, сидючи на помойке...

С. АНАНЬИН

Борис ЛАСКИН — РАССКАЗ

ЧЕЛОВЕК БЕЗ НЕРВОВ

— Не стану углубляться в детали. Я действительно допустил промашку — опоздал на целый день с отчетом. Спору нет, я заслуживал порицания, а быть может, даже и выговора. Но начальник предпочел учинить мне громоподобный разнос.

Не глядя в мою сторону, распаляясь от ярости, начальник рвал и метал. Рвал в клочки проект приказа о моем премировании и метал их в корзину для бумаг.

Я молча покинул его кабинет и уж не помню, как оказался на улице.

Прошло больше часа, а я все не могу успокоиться. Даже здесь, в парке, в тихой аллее, мне до сих пор слышится хриплый голос моего начальника...

...Я помолчал и посмотрел на своего соседа. Это был интеллигентного вида человек примерно моих лет, с добрым и чуточку лукавым выражением лица. Откинувшись на спинку скамьи, он сочувственно качал головой.

— Не знаю вашего имени-отчества,— тихо сказал он,— но это неважно. Если вы мне, случайному собеседнику, поведали свою печаль, я делаю вывод, что начальник надолго выбил вас из седла. То, что он себе позволил, именуется хамством...

Но вы, вероятно, заметили, что грубиян начинающий, равно как и грубиян зрелый, так сказать, сформировавшийся, предпочитает избегать свидетелей, ибо наличие таковых чревато неприятными последствиями.

Когда-то давно, в юности, я видел фильм «Человек без нервов». Иногда мне представляется, что вторая серия этого фильма, будь она поставлена сегодня, вполне могла бы быть посвящена мне. Да-да, уверяю вас.

Еще год назад я был совсем другим. Меня мгновенно выводила из себя любая, даже незначительная грубость. Надменность продавщицы или нелюбезность шофера такси заставляли меня в изнеможении хвататься за сердце, а иногда даже кричать, что, как вы понимаете, противно и недостойно.

Теперь я здоров. Меня уже давно ничего не раздражает. Напрасно вы думаете, что я выработал некий иммунитет против грубости и хамства. Я просто спокоен, у меня нет поводов для волнений.

Я вижу, вам хочется узнать, кто же он, этот чудесный доктор, который исцелил меня и вернул мне душевный покой.

Этот доктор — мой старший сын Андрей. Он инженер-энергетик и к медицине не имеет никакого отношения. Все дело в том, что у него есть «хобби». В свободное время он страстно увлекается транзисторными приемниками и тому подобными вещами.

Спешу вас уверить, что Андрей вовсе не один из тех, как он иронически выражается, «спидолопоклонников», которые в общественных местах запускают на полную мощность свои радиоаппараты, лишая окружающих вожделенного отдыха.

Нет. Андрей сам конструирует приемники, магнитофоны и все такое прочее. Он-то и подарил мне этот маленький диктофон, который вы, вероятно, приняли за фотоаппарат.

Перед вами истинное чудо. Я сам придумал для него название «УП-1» — универсальный преобразователь.

Кажется, вы меня не поняли. Вы, видимо, так же мало знакомы с техникой, как и я. По профессии я историк.

Теперь слушайте меня внимательно. Дело в том, что этот аппарат обладает, можно сказать, сверхъестественной силой. При помощи «УП-1» нелюбезность сменяется любезностью, равнодушие — душевным участием, мелкое бытовое хамство — безукоризненной вежливостью.

Между тем пользование аппаратом «УП-1» не представляет никакой трудности. Решительно никакой.

Смотрите. Вот я беру микрофон и обращаю его в сторону человека, от которого чисто интуитивно ожидаю проявления грубости.

Человек видит в моей руке микрофон и понимает, что это микрофон и не что иное. А раз человек понимает, что ему предстоит говорить в микрофон, он быстро смекает, что он должен говорить и чего не должен.

Как-то я подошел к шоферу такси и спросил, не отвезет ли он меня по такому-то адресу. Я совершенно сознательно выбрал улицу, находящуюся поблизости, примерно в километре от его стоянки. Аппарат «УП-1» при этом находился в чехле вместе с микрофоном. Как я и предполагал, шофер саркастически усмехнулся и заявил: «Всю жизнь мечтал пассажиров от стола к печке возить. Пешком дотопаешь. Не больной».

Спустя две-три минуты, на этот раз уже с микрофоном в руке, я подошел к тому же шоферу и повторил свою просьбу.

Шофер посмотрел на меня, на микрофон, приветливо улыбнулся и, распахнув дверцу, сказал: «Садитесь, пожалуйста. Вообще-то это недалеко. Почти что рядом. Но это не имеет значения. Желание пассажира для нас закон!»

Я сел в машину, благополучно и быстро доехал до места и, расплачиваясь с шофером, сказал: «По счетчику с меня двадцать копеек. Получите тридцать». Шофер протестующе замахал рукой: «Ни в коем случае! Чаевые унижают достоинство человека. Всего хорошего. До свидания. Желаю вам успеха в труде и счастья в личной жизни!»

В галантерейном магазине без микрофона я долго выбирал зубную щетку и услышал из малиновых уст продавщицы короткую, полную экспрессии фразу: «Ой, господи! До чего же вы мне, гражданин, надоели!»

Через пять минут я скромно подошел к той же продавщице, уже держа в руке микрофон. Верный «УП-1» сработал безотказно. Царевна Несмеяна превратилась в прелестную девушку. Источая улыбки, она достала коробку и с интонацией телевизионного диктора, объявляющего передачу «Спокойной ночи, малыши!», сказала примерно следующее: «Если не возражаете, я лично сама выберу вам зубную щетку. Я думаю, что лучше всего подойдет эта, золотисто-коричневая, под цвет ваших глаз».

Когда я уходил, продавщица сказала мне: «Спасибо за покупку! Приходите к нам почаще!»

Через несколько дней рыжеволосая, грозного вида приемщица в ателье химической чистки произнесла сходную по смыслу фразу в двух разночтениях.

В первом случае, без микрофона, она сказала: «Вы что, глаза дома забыли? Не видите, мы на обед закрываемся?»

Извлеченный из футляра микрофон, словно по мановению волшебной палочки, преобразил тембр голоса приемщицы. Вместо густого контральто явственно зазвучало меццо-сопрано. Изменился и текст: «Гражданин, вы, наверно, не обратили внимания, уже без пяти час. Наше ателье закрывается на обед. Но раз вы торопитесь, пойдем вам навстречу. Милости просим!»

В учреждении, куда я зашел за справкой, ледяная фраза «Зайдите завтра, Мурзаев уехал в трест, сегодня его не будет» при включении «УП-1» обрела теплый, задушевный характер: «Василий Павлович, к сожалению, уехал, но зачем вам лишний раз подниматься на третий этаж? Присядьте, пожалуйста. Справку сейчас подпишет другой товарищ».

В кафе «Отдых» рискованный эксперимент (заказать в вечерние часы стакан кефира и одну булочку), как я и предполагал, увенчался полным успехом. Сначала официант посмотрел на меня, как на личного врага, затем, при виде микрофона, он сменил гнев на милость и любезно посоветовал мне отведать ряженки, после чего, заговорщически улыбаясь, принес свежайшую булочку с яблочным вареньем.

Во время моего скромного ужина в «Отдыхе» микрофон лежал на столе, и официант неотлучно маячил у меня за спиной, всем своим видом давая понять, что он готов, если потребуется, отдать за меня жизнь, а также что я самый дорогой и желанный гость. Именно я, а не какой-то там усатый толстяк, усидевший уже бутылку марочного армянского коньяка.

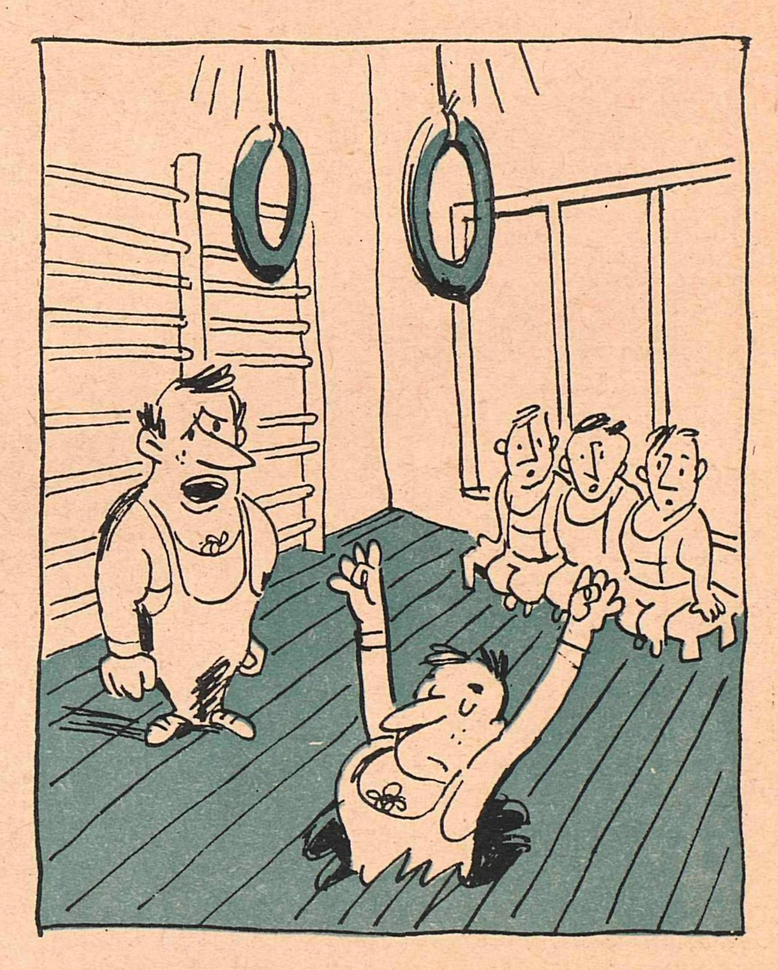
Слушая рассказ счастливого владельца «УП-1», я с уважением и с почти детской завистью смотрел на этот диковинный аппарат.

Я молчал, и отдохнувшее сердце мое наполнялось любовью к могучей современной технике, способной творить чудеса, побеждать немыслимые просторы космоса, а также и отдельные недостатки людей, населяющих нашу грешную землю.

Владимир КОНСТАНТИНОВ,
Борис РАЦЕР

Веселые и находчивые

В КВН сражались медики
С рыбной базой
номер три.
Вот задание последнее
Предлагает им жюри:
«Привезти такое
что-нибудь,
Что не часто видит глаз!
Все заданье наше поняли?
Приступайте! В добрый
час!»
Через час
вернулись медики,
Улыбаясь неспроста:
Привезли они в переднике
Двухголового кота.
Двадцать пять очков
немедленно
Присудило им жюри.
Да, носы утерли медики
Рыбной базе номер три!
Но не рано ли их
чествуют?
Подождем минуту-две:
Входят рыбники
торжественно
С капитаном во главе.
Вот где чудо настоящее!
Зал ликует, зал встает:
Капитан, шутя, из ящика
Связку воблы достает!
Да, победа убедительна:
Воблу, что ни говори,
Век не видели ни зрители,
Ни почтенное жюри!

— Сколько раз я тебе говорил, что соскок должен быть мягче!

Рисунок Г. АНДРИАНОВА

— Друзья мои! — обратился пастор к прихожанам.— Сегодня я буду говорить о лжецах. Кто из вас читал псалм 69-й от Матфея?

Поднялся лес рук.

— Вот и хорошо! — обрадовался священнослужитель.— Поскольку такого псалма вообще не существует, проповедь всем пойдет на пользу.

●

По берегу Темзы идет мужчина с фотоаппаратом. К нему подбегает женщина.

— Идите скорее! Моя подруга тонет!

— Увы, мисс, у меня уже кончилась пленка.

●

Разговаривают две приятельницы.

— Ты слышала, говорят, супругам следует сосчитать до десяти, прежде чем возражать друг другу.

— Да, я тоже слышала об этом. Соседи до сих пор уверены, что мы целыми днями помогаем детям по арифметике.

●

Ювелир ищет ночного сторожа. Появляется кандидат. Ювелир говорит ему:

— Учтите, что вам придется сидеть целую ночь на одном месте, а это очень трудно.

— Не волнуйтесь, я привык: только что вышел из тюрьмы.

●

Олег очень плохо учится и постоянно твердит дома, что учитель к нему придирается. Наконец отец с сыном отправились в школу. Отец спрашивает учителя:

— Почему вы придираетесь к моему сыну?

— Придираюсь? Он же ничего не знает. Вот посмотрите. Сколько будет трижды семь? — спрашивает учитель Олега.

— Видишь, папа? Он опять начинает!

●

Покупательница обращается к продавцу:

— Я просила вас положить шесть апельсинов, а в пакете их оказалось только пять.

— Шестой апельсин был такой зеленый, что вы бы сами его выбросили.

●

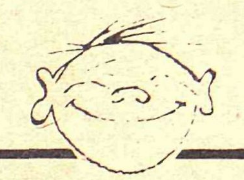
Молодой человек наклонился и поцеловал незнакомую девушку, сидевшую рядом на скамейке в парке. Не встречая никакого сопротивления, он поцеловал ее еще раз и спросил изумленно:

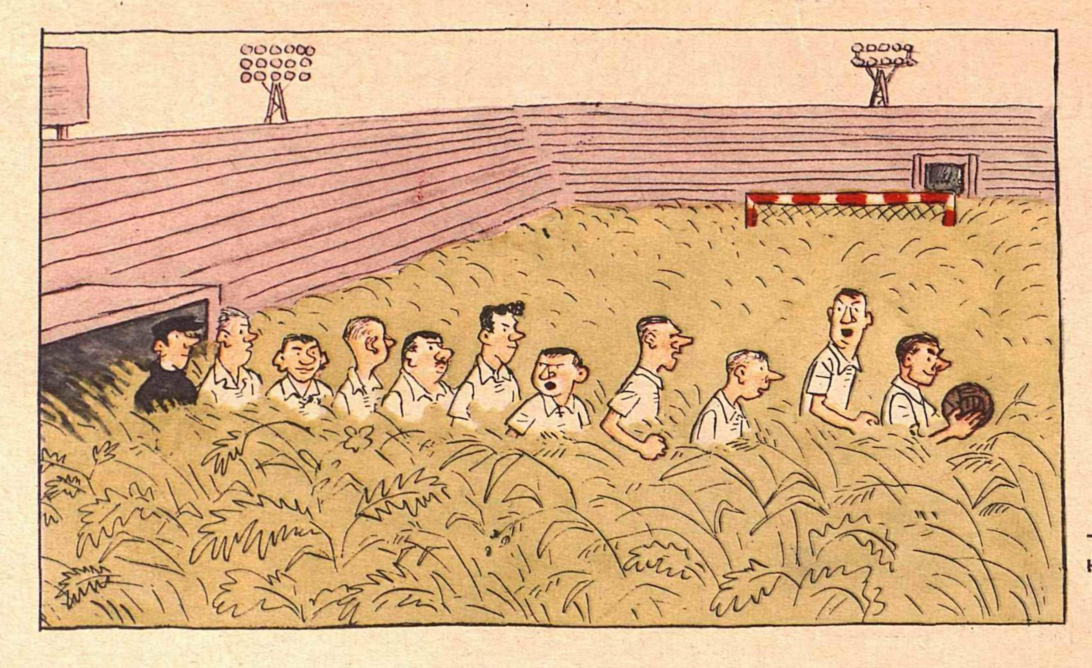
— Но почему же вы молчите?

— Моя мама сказала, чтобы я никогда не разговаривала с незнакомыми мужчинами.

●

— Рекомендую вам рецепт от москитов, Билл: перед сном выпейте шесть двойных порций виски. И вы так наберетесь, что в первую половину ночи не будете чувствовать их укусов. А ко второй половине ночи они уже так наберутся, что не будут вас кусать.

— Да, давненько мы не тренировались!

Рисунок Е. ВЕДЕРНИКОВА

В блокнот футбольного статистика

Как известно, из спортивной печати, футбольных справочников и программ можно узнать почти все о командах, игроках, судьях, голах, стадионах и т. д. Пытливый любитель футбола может выяснить, когда, в каких футболках выступала команда, в каком тайме какого матча она занимала северные ворота, чем интересуется тот или иной футболист в свободное от игр время (его, так сказать, хобби), собирается ли он жениться, а если нет, то почему, сколько у него детей и начали ли они играть в футбол и прочее.

И тем не менее для начинающего статистика всегда найдется поле деятельности. Вот, например, факты и цифры прошлогоднего футбольного чемпионата, которые, как нам кажется, еще не появлялись в открытой печати и которые не могут не заинтересовать широкий круг болельщиков.

Из 766 мячей, забитых в ворота противника и в свои собственные, 575 было забито ногами, 182 — головами и 9 — другими частями тела футболистов. При этом голы, забитые ногами, делятся на две, увы, неравные части: 231 мяч забит левыми и 344 — правыми ногами. Помимо своей очевидной занимательности, эти цифры (уже который раз!) напоминают нашим нападающим об их застарелой болезни — неумении одинаково бить с обеих ног.

В 342 матчах чемпионата было использовано всего 270 мячей (в 41 случае мячи были заменены в ходе игры), из них желтых — 112, белых — 93 и пятнистых — 65. Интересно отметить, что пятнистые мячи использовались 42 раза в первом круге и 23 раза — во втором. Этот факт отражает медленное, но верное падение популярности пятнистых мячей.

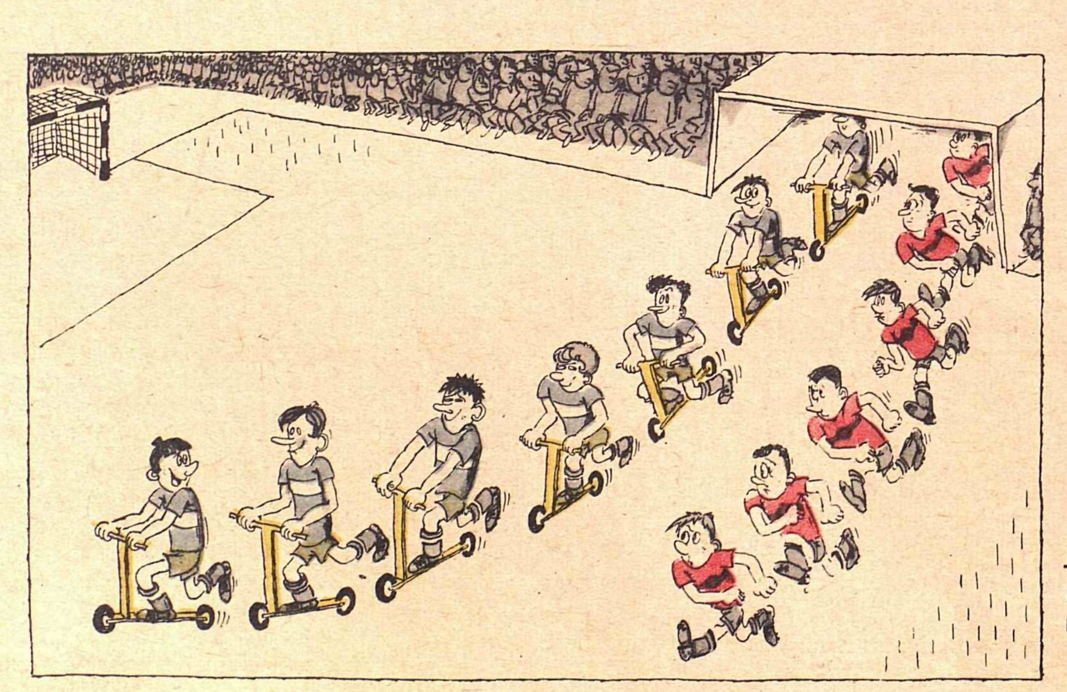
В ходе игр мяч 6 565 раз попадал на трибуны стадионов после неумышленных, а чаще умышленных ударов футболистов. Сила ударов, как вы догадываетесь, была неодинаковой: на 1—20-й ряды мячи попадали 6 521 раз, на 20—40-й ряды — 42 раза и на 40-й ряд и выше — всего два раза (42-й и 76-й ряды)!

А вот за трибуны стадионов мяч в играх чемпионата не перелетал ни разу (для сравнения: на чемпионате мира в Англии мяч однажды перелетел за трибуну и не был найден).

Мы знаем, что мы не исчерпали всех своих возможностей. Можно было бы, например, вывести усредненные погодные условия, в которых проводились игры, подсчитать средний размер бутс игроков команд и расположить команды в соответствии с полученными показателями и т. д. и т. п. Но это в следующий раз.

Думается, что тщательный анализ этих и других цифр и фактов поможет решить некоторые проблемы нашего футбола и увеличит многотысячный отряд любителей этого прекрасного вида спорта.

Н. КОНСТАНТИНОВ

— На этот раз мы им в скорости не уступим!

Рисунок В. ТИЛЬМАНА

КРОКОДИЛ ПОМОГ

ДНЕВНЫЕ СУМЕРКИ

наблюдаются в городе Рубцовске. Можно подумать, что здесь затянулось на неопределенный период солнечное затмение. Секрет этого необычного явления природы раскрыл читатель А. Южаков. По халатности руководителей некоторых предприятий города вышли из строя золоочистные сооружения. Поэтому каждые сутки в воздух выбрасывалось от 48 до 60 тонн летучей золы.

В ответе, присланном Алтайским крайисполкомом, говорится, что вторично наложены штрафы на виновных лиц.

Кроме того, крайисполком уведомил редакцию, что принимаются кардинальные меры по ликвидации засорения воздушного бассейна города.

НЕБЛАГОДАРНОСТЬ

По сей день дают себя знать раны, полученные Дмитрием Георгиевичем Козловым на полях Отечественной войны. Они-то и вынудили хорошего шофера и комбайнера сменить профессию. Он стал работать учетчиком на ферме колхоза «Родина», Ставропольского края. Но во время уборочной страды тов. Козлова обычно вызывали в правление колхоза.

— Механизаторов не хватает,— жаловались руководители колхоза. — Будь добр, помоги.

И Дмитрий Георгиевич вопреки запретам врачей садился за штурвал комбайна.

— А может быть, у него ничего и не болит? — усомнились прошлой осенью руководители колхоза.— Довольно ему на ферме лодырничать!

И объявили, что Козлов будет работать только комбайнером. Или он вообще не будет работать в колхозе.

Письмо Д. Г. Козлова редакция направила председателю Арзгирского райисполкома. Вот какой получен ответ: «Все факты, изложенные в письме, подтвердились. Правление колхоза восстановило Козлова Д. Г. на работе в должности учетчика фермы».

«ВОСПИТАТЕЛИ В МАСКАХ»

Так назывался фельетон, опубликованный в № 34 «Крокодила» за прошлый год. Рассказывалось в нем о серьезных недостатках в воспитательной работе с детьми в Ленинском районе г. Грозного.

Как сообщил редакции секретарь Грозненского горкома КПСС тов. Сильников, факты подтвердились. Бюро горкома КПСС серьезно предупредило председателя Ленинского райисполкома тов. Галкову, секретаря горкома ВЛКСМ тов. Рубанова, председателя горспортсоюза тов. Шевцову и обязало их принять действенные меры по улучшению воспитательной работы.

Бюро горкома КПСС обязало хозяйственных, партийных, профсоюзных руководителей предприятий, строек, учреждений принять необходимые меры по строительству и оборудованию детских комнат и площадок.

«НИЧЕГО ТОВАРИЩ ШОРИКОВА!»

Кондуктор автоколонны г. Ногинска тов. Шорикова обратилась к начальству с просьбой перевести ее в дневную смену для того, чтобы она могла присмотреть за ребенком. В течение месяца заявление гуляло из одной инстанции в другую, пока на нем не осталось «живого места» от резолюций (см. «Крокодил» № 6, 1967 г., заметка «Ничего, товарищ Шорикова!»).

Как сообщил редакции начальник Московского управления автомобильного транспорта тов. Кашкин, заметку обсуждало партийное бюро Ногинского пассажирского автохозяйства. Начальник автохозяйства тов. Щербаков строго предупрежден. Председателю местного комитета тов. Красненкову указано на недопустимость формального отношения к заявлениям трудящихся. Просьба кондуктора тов. Шориковой удовлетворена.

МОЯ ДОСКА ОБЪЯВЛЕНИЙ

(Плакат на комбинате «Апатит»).
Фото Д. МОРЕНКО
г. Апатиты.

«ГРАЖДАНЕ!

БЕРЕГИТЕ, ОХРАНЯЙТЕ И УМНОЖАЙТЕ НАШЕГО ЗЕЛЕНОГО ДРУГА ЛЕСА».

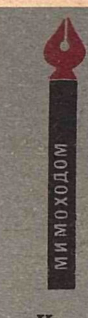
Копию снял К. СОПЫРЯЕВ.
г. Колпашево, Томской области.

«КУЛЬТУРНО ОБСЛУЖИМ ТРУДЯЩИХСЯ ГОРОДА БЫТОВЫМИ НУЖДАМИ».

(Плакат комбината бытового обслуживания.)
Списал Б. КОВАЛЕВ.

Фотоснимок сделан Н. ЕФРЕМОВЫМ у входа на бензозаправочный пункт.
г. Саратов.

Страшное упущение: река забвения до сих пор не оборудована спасательной станцией.

Питающемуся иллюзиями ожирение не угрожает.

Приятнейший способ самоубийства — тонуть в сиропе славословия.

Грамм чуткости килограмм валидола бережет.

Новый директор сумел-таки сплотить коллектив, но против себя.

Совет неудачнику: не можешь взобраться на Олимп — оставь рукопись у подножия.

Шевелюра выдается человеку напрокат в комплекте, а возвращается по волоску.

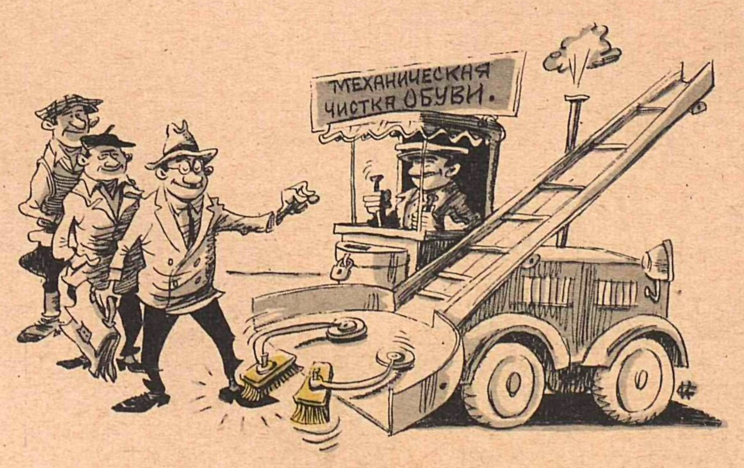
Сорняк бахвалился тем, что он растущий.

Ц. МЕЛАМЕД

г. Рига.

МИМОХОДОМ

Без простоев на лето.

Рисунок И. СЫЧЕВА

КРОКОДИЛ

№ 11 (1841)

ГОД ИЗДАНИЯ СОРОК ПЯТЫЙ

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

журнал выходит три раза в месяц

Темы рисунков этого номера разработали: М. Битный, М. Вайсборд, А. Грунин, В. Мордухович, В. Сафонов, Н. Станиловский, Ю. Степанов, И. Сычев, В. Тильман, Ю. Федоров, Е. Шабельник.

наш адрес:
Москва А-15
Бумажный проезд д. 14

ТЕЛЕФОН Д 0-10-86

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

А 00063.
Подписано к печати 8/IV 67 г.
Формат бумаги 70×108 1/8.
2 печ. л., 2,80 усл. л.
Тираж 4 800 000 экз.
Изд. № 530.
Заказ № 1110.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Цена номера 12 коп.
Индекс 70448

В АНГЛИЙСКОМ МУЗЕЕ

Американец: — Продайте-ка лучше эту картину мне, пока ее у вас не украли.

Рисунок Е. ШУКАЕВА